

Юрий Гончаров.
(Ерно).

Смутных мыслей след упорный
Разгону на лбу,
Перейду порог церковный,
Поклонюсь попу.

Час борьбы пропели трубы
Мне издалека.
На убийцу — в черной шубе —
Не дрогни — рука!.

Я его подкараулю
У чужих ворот
И пошлю за пулей пулю —
В искаженный рот.

14/X 1927.

Куритесь звуки... мгновенья кратки...
Я — бледный дух
У синих вод.

Сплетаю вечные загадки
В узорный круг,
В жемчужный свод.

Мне жизни ведомы пределы,
Дороги туч
И бездны дно.

Огни мерцайте... Кружитесь девы...
Ваш облик жгуч
Мне — духу снов.

22 XII — 1927.

Саника Балыков.

Ад'яново счастье.

(Окончание)*).

Прошла зима, страдная пора для табунщиков. В открытой степи, в занесенном снегом холодном джудуне, дымном и тесном, провел Ад'ян зиму. С тремя другими табунщиками ежедневно он боролся со стужей, снежной бурей, оберегая и кормя тысячеголовый хозяйский табун.

Длинные зимние ночи с трескучими морозами, в которые приходилось Ад'яну быть ночным караульным особенно были тяжелы.

Но пришла долгожданная весна, и жизнь табунщиков резко изменилась к лучшему. Не нужно стало ломать мерзлый блоковый скирд для кормежки табуна, не стало надобности ютиться в джудуне. Выкочевали в степь семьи табунщиков, обильно полилось молоко во всех видах, закурили раку, началась беззаботная пора до самой осени, и табунщики, решавшие зимой к весне рассчитаться и укочевать в свою станицу, забыли про зимние нужды и про расчет.

Прошел год с того дня, когда Ад'ян стал табунщиком. Деятнадцатого числа последнего весеннего месяца был Ики-Бурульский малый «теген» — всенародный молебен в местном хуруле.

Был прекрасный весенний день: бескрайняя ширь волнующейся зеленой равнины, бездонная синева неба, яркое солнце, стелющиеся соловьи — неутомонные жаворонки, радовали взор и слух степняков.

Уже с утра, со всех четырех концов, по широким пыльным улицам вкатываются в станицу брички, тачанки и бланкарды, полные нарядных калмыков и калмычек, запряженные парой, тройкой, четверкой хороших легких табунных лошадей.

Часто везжают шайки верховой молодежи.

Коня пляшут-гарцуют и в такт звону стальных, крученных удильных колец помпывают сухими горбоносными головами. Между разноцветными картузами мужчин мелькают расшитые золотом «джатаки» и красные верхие, как мак, «халванги» барышень и молодежи.

Все едут в центр станицы и в беспорядке располагаются под открытым небом, вокруг хурульной ограды.

Ржанье лошадей, крики и плач детей, громкие разговоры, звуки детских губных гармошек, свистулек, дудок, выстрелы хлопушек, сливаясь в разногласный шум, наполняют воздух. Невдалеке от хурула, за шумящим родником, под звуком органа вертится перегруженная детьми карусель.

От нея вытянулся ряд русских торговцев и торговок разными сладостями и прохладительными напитками.

Против них чинно расположились черкесы, разложив серебряные и золотые кольца, серги, поясные пряжки, позументы и пр. принадлежности украшений калмычек.

Всюду и везде полно народу. Все разодеты. Куда ни помотришь, кругом шелк, парча, бархат, серебро, золото.

В группе всадников сидящих на великолепных табунных матках, в числе своей хурульной молодежи обоего пола, приехал и Ад'ян. Розыскав подводу своих хурунцев, вся группа слезла с лошадей и, привязав их за подводы, начала тут же приводить себя в порядок.

Мужчины надели черные шелковые бешметы, подпоясались тонкими, канкавказской работы, серебряными поясами, оставили на подводах головные уборы и гурьбой вошли в хурульную ограду, чтобы перво-наперво совершить обязательный сегодня трехкратный обход хурула.

К их приходу хурул был полон молящихся людей. По внутренней линии хурульной ограды, слева направо, лился непрерывный, многочисленный поток людей.

Встречая знакомых и присоединяясь к ним, товарищи Ад'яна, быстро разошлись; он остался один. Видел и Ад'ян не мало своих знакомых, но, ни к кому не присоединяясь, он продолжал стоять на одном месте, не замечая в лица проходящих.

Наконец, он собрался было идти, как в толпе проходящих оживленно болтающих барышень заметил Алту.

Кровь прилила к лицу Ад'яна, загорелись уши и, с часто бьющимся сердцем, пошел он за этой группой девушек.

Следуя сзади, в трех-четырех шагах, он жадно всматривался в стройную и, как будто, хрупкую фигуру Алты.

В синем шелковом бешмете, туго подпоясанная золотым позументовым поясом-кушаком, с расшитым золотом «джатаком» в одной руке, она шустро шла в толпе подруг звонким голосом перебивая разговор.

Незаметно для себя, Ад'ян уже сделал за ними трехкратный обход хурула и также невольно последовал за девушками из него. Девушки направились к базару. Ад'ян не отставал от них. Они подошли к черкесам, и одна стала примеривать кольца. Алта стала в сторонке.

Ад'ян тихонько подошел к ней сбоку и поздоровался. Удивленно расширив глаза, покраснев на секунду, тихо, только губами ответила она на приветствие.

— Как живете, Алта, наверно забыли меня?

* См. № 2 журнала.

— Не плохо, я не забываю знакомых, как и где живете вы?

— Так себе... в табунниках... С кем вы приехали?

— Из семьи одна... отец, ожидая купца на быкон, не приехал, а мать не захотела без него; я приехала с соседкой на их подводе.

Так... ну, как Алта, засватали уже вас? выпил ваш отец раку от какогонибудь богача или еще ждет?

Лукаво улыбнулась Алта, чуть показывая белоснежный ряд мелких ровных зубов, и тихо сказала:

— Нет, за меня еще не выпили раку, меня никто не возьмет.

Я замуж не пойду, — прошептала она, блестя черными глазами.

Сердце Ад'яна забило от непонятной радости.

— Но чему я рад, — подумал он, — если еще не просватали, то это не значит, что я ее засватаю... — Но радость, помимо его рассуждений, заполнила душу.

В это время подруги появились Алту и пошли дальше.

С опущенной в глубоком раздумьи головой направился Ад'ян к хурулу.

За год значительно выросшая, с длинной черной косой, со смуглым румянцем на щеках, Алта показала Ад'яну еще более прекрасною, чем прежде. Дремать в душе чувство желания ее, забило в сердце с новой силой. Давно и часто приходившее на ум решение его внезапно окрепло в нем.

— Если не сегодня, то никогда; надо попытаться; другого такого случая не будет, — решил он и пошел искать своих друзей. Пришлось порядочное время их повскачь.

Наконец розыскал он двоих, отвел их в сторону и откровенно рассказал им свое прошлое и свое желание.

— Я, друзья, рассчитываю на вашу помощь, сделайте мне, безродному, незабываемую услугу, помогите мне выполнить мою клятву. — Проговорил Ад'ян и глаза его заблестели слезой.

Товарищи шумно одобрили его и пошли искать остальных своих хутунцев.

В это время вся молящаяся и немольщаяся масса людей начала выходить из хурульной ограды, собираясь на северную сторону хурула и строить шалерами.

Образовался длинный корридор с двумя пестрыми и колыхающимися стенами. Вдруг народ иртых, и посыпались шопоты: — Шествует, шествует.

Все повернули головы и вытянули шею на северный конец корридора.

В блестящей лаком и медью карете, запряженной четверкой буланых лошадей, медленно проезжал между двумя рядами Лама-Архиерей донских калмыков.

Он был в блестящей желтой царчевой одежде, в высокой острроверхой желтой шапке.

Все молитвенно складывали руки и кланялись земные поклоны при его приближении.

Лама под'ехал к хурулу, слез с кареты и, благословляя направо и налево наклоняющихся к нему мирян, прошел в «сем»-хурульный храм, где должен был отслужить молебен и начать дальнейшие процессии сегодняшнего дня. Ад'ян удостоился благословения Ламы, вышел из гуши народа и направился к условленному месту, где нашел своих хутунцев в полном сборе.

Самый пожилой в компании Мандже, похлопывая Ад'яна по плечу говорил:

— Раз решился — не бойся, поможем мы тебе, нам это дело не ново. Нужно нам выехать из станицы раньше, далеко до конца гегена, занять их дорогу и ждать. Геген разойдется к вечеру, а в сумерках, как раз, они и под'едут к нам. Чтобы не было скучно в поле, ты, Ад'ян, купи несколько бутылок водки, закуски и твое дело будет сделано.

Через полчаса Ад'ян вернулся с пятью бутылками водки и тремя кругами колбасы.

Через час — два вся компания была в балке Бургусте и, сев в кружок с конями и поводом, попивала. Проезжавшие могли думать, что они возвращаются с гегена и по калмыцкой традиции сели вспрыскнуть дорогу.

Скоро жара начала спадать, потянуло прохладцей. Из станицы все чаще и чаще начали проезжать тачанки и бланкарды, направляясь к станице Багудской.

— Ад'ян, смотри, не прозевай! — кричал захмелевший Мандже. Ад'ян зорко смотрел за проезжавшими подводами. Наконец, подводы стали реже. Солнце садилось. Компания продолжила попойку, прикладываясь прямо к горлышкам бутылок и заедая колбасой.

— Едут! — проговорил вдруг Ад'ян и поспешно взялся за стремя.

— Наши, садись! — скандовал Мандже, вскакивая на коня.

Тачанка, запряженная парой рослых рыжих лошадей, порывалась с ними. Правил средних лет калмык, позади сидели две милостивые молодые дамы, а против них, спиной к кучеру, девушка в ситце.

Заподозрив недоброе, кучер хлестнул было лошадей, но всадники живо окружили его и остановили.

Никто ничего не успел сообразить, понять в чем дело, как кричавшая во все горло и отбивавшаяся Алта очутилась на лошади в охапках сильного Мандже. Напрасно женщины подняли визг, а кучер слал проклятия, так как в следующий миг напавших, увозя Алту, насоку ударили.

Громкий плач испуганной девушки уже еле был слышен. Здоровенный и пьяный Мандже крепко держал Алту, придавив ее ноги стремленным ремнем.

Опомнившийся кучер на тачанке шмынул на плакавших женщин и во весь дух погнался лошадей в прежнем направлении.

Через час похитители Алты проезжали мимо станицы, направляясь к Мангычи.

Горло Алты пересохло, она уже не плакала и, в полном безсильи, едва держалась на седле. Если ее не поддерживал бы Мандже, она, как куль, выпала бы из седла.

Ад'ян в смутной радости все еще держал в руке расшитый джатак Алты и время от времени, приотстав на минутку от других, нхал эту шапочку, вдыхая запах девичьего головного пота и репейного масла.

Ехали, как показалось Алте, долго. Настала темная ночь. Наконец, в темноте замелькал огонек, другой, послышался лай собак и они в'ехали в спящий хутун.

— Эй, бабка, выходи, бери молодайку; мы женили Ад'яна! — закричал Мандже, под'езжая к своей кибитке.

— Это услышал весь хутун. Скоро старые и молодые сбегались сюда и окружили молчаливую и жалкую в своем одиночестве Алту.

— Ну, нечего стоять; нам, бабка, нужно освободить для молодых нашу кибитку, вытаскивая постель на двор, под возилку; а вы, женщины, готовьтесь распелести девке косу и надеть шеверлики... Потом, кто может, курите раку, будем гулять на радостях, — продолжал распорядиться Мандже. Кибитка Манджи скоро была освобождена, и упирившуюся Алту ввели туда. За ней вошли три женщины. Одна подошла к Алте и неожиданно взяла ее за кисти обеих рук, другая обняла ее ноги, третья принялась расплетать косу. Напрасно Алта боролась, плакала горько, проклинала их, но женщины, не обращая на это внимания, с шутками и прибаутками продолжали свое дело. Взявшаяся за косу оказалась мастерицей своего дела. Пышная коса Алты быстро была расплетена расчесана надвое, заплетена по дамски и направлена в черные шеверлики-сумки для волос замужних женщин. Бешмет и рубашку тоже стянули с нее и надели дамскую рубашку с разрезом во всю грудь, а сверху надели розовый цегелик — дамский сарафан. И Алта превратилась в молодую изящную даму.

Одна из женщин вышла и привела Ад'яна. Как только вошел Ад'ян, все женщины вышли, затворили за собой дверь и завязали наружу.

Оставшись с Алтой наедине, Ад'ян, в сильном смущении не знал что делать. Он молча простоял несколько минут у дверей, потом, взяв себя в руки, подошел к слабой мерцавшей лампе и аадул ее. С сильно бьющимся сердцем подошел он в темноте к Алте и робко тронул ее за плечо. Алта с силой отшвырнула его руку и неожиданным резким толчком в грудь, свалила Ад'яна с ног.

Ад'ян вскочил на ноги и, не помня себя, схватился с ней. Началась борьба. Несмотря на силу Ад'яна, Алта ловко и цепко боролась.

Но скоро силы ее уступили силам мужчины и она начала слабеть. Обливаясь потом, пыхтя, Ад'ян притащил ее к постели на земле и повалил...

— Уй, яхха! яха! — раздался через мгновение заглушенный крик... Три тени, прижавшиеся снаружи к кибитке хихыкнули и побежали прочь, путаясь в полах халатов.

* * *

Еще холодное солнце медленно высорывалось на далеком степном горизонте, когда две брички, полные мужчин и десять человек конных напали на мирно спавший хутун. То нагрянул отец Алты со своими родственниками.

Раздался громовой гневный голос Цедена, зовущего свою дочь, крики и брань родственников, бухнул выстрел...

И хуруными людьми овладела паника. Не успел Ад'ян выбежать из кибитки, как посыпались на него удары палок, плетей в кулаки.

Не успели хурунды опомниться, как напавшие напали Алту и увезли ее.

Никто не решился преследовать такую дружную силу.

Избитый Ад'ян, мешая слезу с водой, промывал раны на лице.

— Нельзя было так долго спать, нужно было пораньше уехать с ней, скрытаться неделю, пока она не привыкнет к тебе, пока гнев родителей не пройдет, — укоряли его бабы.

Ад'ян только вздыхал в бессильной злобе.

* * *

Радостный и гордый возвращался Цеден домой, увозя свою дочь. Гнев его прошел. Пришли трезвые рассуждения.

— Отнять-то Алту я отнял, что же дальше делать; она уже превращена в даму; залепить обратно косу и сделать ее наружно опять барышней — нельзя. Большой грех, этим на нее можно несчастье накликают. Держать в таком виде в отцовском доме — тоже неприлично по нашим законам. Остается поселить ее с матерью в сарае — решил он и успокоился.

* * *

Пять дней никуда не выходил Ад'ян из Манджиковой кибитки; лицо было в синяках и шишках.

На пятый—шестой день опухоль на лице осела, синяки заменили цвет, и он пошел к старшему табунщику проситься в отпуск, чтобы съездить в свою станицу.

Тот поездку разрешил и дал взаймы ему сорок рублей.

На другой день Ад'ян приоделся, оседлал лучшего ездового коня и поехал в станицу к дяде.

Дядя Дава истрепал его сурово, но, приглядевшись к его избитому лицу и всему смиренному виду, проникся к Ад'яну жалостью. Родственное чувство заговорило в нем.

— Ну, зачем ты, глупой, это проделал; мало разве девок в станице, разве можно с Цеденом связываться, у него ведь не сердце, а камень, железо, а как заботел, так вовсе стал глуп и горд. Теперь что же, стыд и срам не только тебе, но и нам, твоим родственникам. А зачем ты приехал? — спросил, наконец, Дава.

— Я, дядя, приехал просить вас, чтобы вы сходили еще раз к Цедену, может теперь отдадут ее мне, — сказал Ад'ян, нажимая на слово „теперь“.

— Э! не хотелось мне связываться с этим гордецом, да уж пойду, уважу тебе, ты — все же мой кормилец на старости лет, — сказал Дава и начал одеваться.

* * *

Цеден на этот раз оказался гораздо сговорчивее. Поломавшись немного, он согласился на предложение Давы и поставил условия немедленной упрощенной

свадьбы — „тепше“. Это значило, что нужно поставить две овцы, одну живую, другую зарезанную, два — три ведра водки и родителям дать по шелковому халату.

Дава вернулся радостный и уже совсем не сердился на племянника.

— Пожалуй хорошо, что так сделал, сбиди немножко мы им гордость, — говорил он, снимая бешмет.

К вечеру другого дня все было готово, и родственники Ад'яна небольшой компанией пошли к Цедену с угощениями.

Те тоже тесным кругом своих родных поели, попили и без обычного шума и всяких процедур выдали Алту.

Когда две дамы, взяв Алту под руки, повели ее к дверям, всплакнула мать ее, говоря, что не так думала выдать свою дочку, и сунула в руку дочери белый платок, на четырех концах которого были связаны по золотой десятирублевке.

Приданого Алте никакого сейчас не дали, обещая дать после.

Вторую свою брачную ночь Ад'ян провел за той же печкой у дяди, где так много лет спал одиноким сиротой.

Рано утром Ад'ян поехал домой, так как на следующий день дядя должен был привести Алту.

Радостный и возбужденный ехал он, не жалея доброго коня.

Еще не было полдня, когда он прибыл в свой хутун и обрадовал своим успехом соседей.

Старший табунщик выпросил у хозяина для Ад'яна конторку на четырех колесах. Соседки дали, кто ширдык, кто подость для постели, кто скамейку, иной котел, кто подушку, одна одеяло, другая еще что-нибудь и к вечеру конторка Ад'яна была уже меблирована.

На утро пошел Ад'ян в контору за деньгами.

Так как целый год он почти ничего не брал, то займных денег оказалось целых сто двадцать рублей.

Взяв пока пятьдесят рублей, он поскакал в ближайшую станицу, чтобы закупить еще кое-что, а главное за водкой для угощения соседей.

Вернулся он с кучей всякой всячины.

Купил он баранью тушу, полпуда бубликов, чаю, сахару, калмыцкого чаю; молодой жене на халат и цегдик шерстяной материи, нанк и коленикор на белье, ботинки на высоких каблуках. Для дома: ложек, чашек, стаканов, лампу, сковороду... И ведро водки на угощение соседей.

Соседки рассмотрели покупки Ад'яна и нашли, что все хорошо.

Не успел Ад'ян разрезать мясо, чтобы варить, как приехал уже и дядя с Алтой.

Молодая хозяйка живо вошла в свою роль. Лучше прибрала сборную погсель в конторке, подмела, подчистила и принялась варить мясо и чай. Ад'ян пошел связывать соседей.

Так как в конторке не поместились бы, то расположились у конторки.

Самый старый, в высокопарных и складных словах, призвал на Ад'яново счастье благословение Божье, и гости начали пить и есть.

Баран был скоро съеден, водка выпита, бублики розданы детям. Когда старший табунщик Учур подарил Ад'яну корову с телком и дал месячную свободу по случаю женитьбы.

Другие соседи тоже не захотели отстать и начали дарить, кто телушку, кто бирючка, поросенка, жеребенка и в результате Ад'ян стал владельцем около десятка мелкой скотины.

Удивленный щедростью и добротой посторонних людей, Дава тоже подарил племяннику корову с телком.

Поезд вечером гости разошлись. Дядя вышел спать при лошадах. Ад'ян и Алта остались одни.

— Ну, Алта,—смело заговорил Ад'ян,—теперь ты моя навсегда. Будем жить ладно. Много я перенес из за тебя, но задуманное выполнил...

— Знать судьбе так было угодно, — тихо отвечала Алта.

Прошел еще год.

Однажды, теплой тихой летней ночью, когда полная луна пропускает свои бледные лучи во все щели кибитки, проснулся Ад'ян и повернулся на другой бок.

Рядом с ним, тесно прижавшись к нему, разинув маденький ротик, тихонько похрапывала его жена, Алта; за ней, раскинув ручонки, лежал в пеленке его трехмесячный сын.

Нежно и осторожно погладил Ад'ян жену по головке и задумался...

Александр Туроверов.
(Пшибрам).

Взойдет луна. Ручьями синей ртуты
Вдруг поплывут туманные снега,
И в нарастающей полупрозрачной мути
Я льдистые миную берега...
Проеду мост... В густой воде полныи
Увижу медь и золото луны.
Какая жуть витает в этой сини,
Какие ужасающие сны...
Промерзший сад темнеет незнакомо,
И конь храпит не слушая узды,
И над двором, над самой крышей дома,
Как волчий глаз, зеленый блеск звезды.
XII—1927.

Михаил Карпов.
(Болгария).

За окном набух туман.
Огни улицы, как глаза из преисподней в кровавом хмеле.

В них — ужас, крик нестерпимый, заглушенный, захлестнутый мглой.

За окном душно, густо, аловеще.

Чувствуется, что на ветках, на скудных, еще не сорванных ветром листьях занялись молчаливые, натужные баилы и зреет терпеливо.

А у нас хорошо! Мы спрятались от покорного, безысходного отчаянья ночи. У нас печка дышит горячо и мирно. Мы отделены от всего, что за стенами. У нас свое, укромное, терпкое. Нам обоим тихо и не страшно от белесого бреда ночи.

Спиридон черный, мягкий, сытый мурлычет в усы немудреным сном. Коленом тепло от него. Я — большой и одинокий, замороженный миражами былого: отпавшими веснами, иссякавшими ласками.

Я еще молод; многие весны увижу, на многие радости благословен, но то, что умерло — оставило ясную негорькую грусть в сердце, — незлобивое недоумение. словно крупные, нетрудные слезы по мне:

— „Зачем?“

Пой, Спиридон!

А я тихо перечту свою последнюю сказку, увядшую под холодную злобу осенних ветров, оборванную на полуслове, на полудульбе. Кажется, что она давно — давно звучала. Одиноким блестящим дни увлекли меня серым временем и невозвратную даль. В сказке моей — черноглазая чуткая девушка и любовь вдохновенная и чинная, как псалом.

— Не плохо... небо мое присмотрело за мной, наконец, я счастлив... я сыт, обут, одет, есть у меня пять — шесть коров, там подростет молодняк, в табуне гуляет матка двухлетка, а главное, у меня — красавица и умница Алта, родившая мне такого же хорошенького как и сама, сына.

Да... счастлив я... счастлив... подумал он засыпая вновь.

Все было тихо кругом в эту чудную лунную ночь в степи.

Апрель 1927 г.

Алексей Персицков.
(Брно).

Лесные стены вонзались в тучу —
Хилые стены лукавы... лукавы...
Черт, ухмыляясь, кричит: — Взабаламучу
В звездных болотах скорбящие травы.

Драный колпак схороню меж корней,
Горсть расшвырну шелестящих созвучий,
Песню сложу из серебряных звеньев,
Шелком одену терновник колючий.

Явь зачарую торжественным словом.
Все извращу я ночным волхованьем...
... Мир — здесь — загадка... В наряде ли-
ловом

Небо искрится жемчужным мерцаньем.
24 XI—1927.

Ушедшая весна.

Любовь и девушка и целая радость ликующей земли — моя радость. Я видел и пил эту полногрудую сверкающую, жгуче-страстную радость.

Девушка вышла из толпы людей, очертилась на фоне весны единично и выпукло; вытравивым, долгим взглядом прочтала меня и — приняла. А я удивился, что — нужен и радостен кому-то, и зашел восторгом и благоговением.

Когда солнце, обрызгав небо и окровавив горизонт, уходило в страны неведомые, я всегда находил мою девушку в шелковой тени лины и садился рядом с нею.

А когда ее не было, обрывалось что-то недоговоренным, — безымянное и тревога неясная бередило душу. Тогда ходил я в ночи, чуял крепкий дух асман и звенел тонкой, грустной нежностью ко всему.

Я берег в себе эту девушку, как драгоценность хрупкую. Помнил и любил ее прежде желания, прежде заботы. От нее был легкий и ясен день. А ночь — густа и бархатна.

Кроткие, сине-сонные часы гасли безмятежно над нами, ступали небо и рассыпали рукой обильной и широкой золотые меланхолические звезды.

Каждая звезда — трепетная, живая и отдельная, как чья-то мысль народившаяся, но невысказанная.

А мы знали, что все для нас. Чтобы красивей и трогательней была наша любовь.

За ресницами девушки спит теплый, приветливый взгляд для меня. Я жду, когда лягут на меня черные влажные глаза и спросят:

— Кто ты? Отчего ты так близок и желанен?

— Не бойся, не удивляйся! Я добрый и благостный. Я только тебя вижу. Это хорошо. Это весна поет.